

ГОД СЕРГЕЯ ПРОКОФЬЕВА

Год Сергея Прокофьева - 50 лет со дня смерти композитора исполняется 5 марта - начался в английском городе Манчестере большим научным симпозиумом, сопровождаемым многочисленными концертами, показами и публичными лекциями. Собственно, манчестерский симпозиум - только часть программы под названием «Прокофьев-2003», которую проводят английская «Serge Prokofiev Association» и нотное издательство «Boosey and Hawkes», (держатель прав на изрядную часть сочинений композитора) в разных странах мира. Программа эта велика и обильна; желающие с ней познакомиться могут заглянуть на сайт упомянутого издательства или на сайт упомянутой ассоциации (www.sprkfiv.net). Я же сейчас расскажу о том, что довелось увидеть и услышать в Манчестере.

Собственно, этот среднеанглийский промышленный город как центр прокофьевских торжеств возник не потому, что Прокофьев как-то связан с Манчестером (он там, кажется, никогда и не бывал, хотя Англию посещал неоднократно), а потому, что город и манчестерская консерватория (точнее факультет Manchester University) под названием Royal Northern College of Music предоставила отличные возможности для проведения серии мероприятий, возглавляемой госпожой Ноэль Манн, руководительницей Архива Прокофьева в Лондоне. Сразу скажем, что организовано все было замечательно, четко и со вкусом. Что же до существа дела, то самое отрадное впечатление оставила концертная часть программы, с которой и хотелось бы начать.

Большая программа прокофьевского года подразумевает исполнение в течение этого года всех произведений композитора, в том числе малоизвестных, редко звучащих, разных «первых редакций» и т.д. Манчестерские концертные программы репрезентировали часть этой - конечно, весьма плодотворной и интересной - концепции. Например, в торжественном «большом» концерте на открытии симпозиума, который проходил в нарядном, просторном и до краев заполненном публикой новом городском зале (The Bridgewater Hall), исполнялись как «хрестоматийные» сюита из «Трех апельсинов» и кантата «Александр Невский», так и не звучащий Виолончельный концерт опус 58 (оттесняемый обычно более поздней Симфонией-концертом, где использован тот же материал) и - в так называемом «концерте плюс» после окончания основной программы - Виолончельная соната. Дирижировал концертом маститый и знаменитый сэр Эдвард Даунс, давний убежденный энтузиаст музыки Прокофьева; играл тоже знаменитый Оркестр Би-би-си; пел сводный коллектив английских хоровых обществ, числом эдак в триста участников, не меньше. И когда этот огром-

ный хор возгласил в «Александре Невском» «Вставайте, люди русские!», - честное слово, усидеть на месте было трудно, по крайней мере только что приехавшим из России участникам симпозиума, да, пожалуй, и живущим ныне за рубежом нашим соотечественникам.

В целом эта программа прозвучала внятно и с большим уважением к авторскому тексту. Что же до виолончельной музыки, то тут нужно сказать по-другому: в исполнении Стивена Иссерлиса она прозвучала гениально, и концерт, и соната. Этот виолончелист (с российскими корнями в предках) играет Прокофьева не так, как мы привыкли слушать, не ударно-динамически, а очень одухотворенно, элегантно, мягко и напевно, с удивительно чуткой и детализированной фразировкой. Подобные качества помогли Иссерлису справиться с трудной для «сборки» формой концерта и сделали слушание малознакомой музыки захватывающим актом. Кстати, на следующий день Александр Ивашкин (ныне профессор Лондонского университета и руководитель Центра русской музыки при Голдсмит-колледже там же) прочел в зале Манчестерской консерватории замечательную лекцию под названием «Усмирение вулкана», посвященную сравнению Концерта опус 58 и Симфонии-концерта и обильно иллюстрированную собственной виртуозной игрой лектора. Оркестр Би-би-си выступил на симпозиуме еще раз, тоже под руководством сэра Даунса и с совсем уже неординарной программой: Четвертая симфония и сюита «Египетские ночи». Тут, кажется, все внимание публики притянула к себе поразительная музыка, написанная Прокофьевым в 30-х годах к таировскому спектаклю. Известно, какие дивные результаты приносила работа композитора для театра или кино, когда сюжеты и концепции режиссеров давали импульсы фантазии музыканта. Благодаря Эйзенштейну мы получили прокофьевское слышание русской истории, благодаря Таирову - звуковой образ Древнего Рима невероятной мощи и даже воплощенный во вполне законченной симфонической форме.

Отдельный разговор - концерты, проведенные студентами и педагогами Манчестерской консерватории. В одном из них под названием «Неслышанный Прокофьев» прозвучала музыка композитора для духового оркестра, его фортепианная транскрипция «Шехерезады» Римского-Корсакова, сделанная для записи на фоно-валики, сюита шубертовских вальсов для двух фортепиано и музыка балета «Трапедия» для квинтета (в свое время заказанная хореографом Борисом Романовым и лишь в настоящее время собранная целиком). Молодые музыканты очень старались, получился милый вечер, но, конечно, не более, чем вечер приятных курьезов. Другое дело

- еще один консерваторский концерт, в котором звучали Шестая симфония и сцены из «Войны и мира»: здесь все было исключительно профессионально и серьезно; работа оркестра, дирижера и, может быть, особенно консерваторских певцов-солистов - выше всяких похвал. Сцены исполнялись на английском языке, но с глубоким пониманием интонаций русской речи, воплощенных Прокофьевым. А может быть, получилось так хорошо еще и потому, что сам стиль композитора с его непосредственностью и прямотой соответствует молодому сознанию, молодому восприятию.

В разговорном жанре все голы забил, конечно же, еще один титулованный участник - знаменитый актер сэр Питер Устинов: открывший симпозиум импровизированный спич Устинова длиной поболее часа заставлял большую аудиторию то замирать от восхищения, то разражаться бурным хохотом. Великий мастер и говорил, и пел, и изображал отдельные инструменты, а то и целый оркестр, легко перепрыгивая от времен своего детства к недавней работе в московском Большом театре, где он ставил «Апельсины». Музыковедам творить такие чудеса, разумеется, не удавалось, и собственно симпозиум проходил чинно, мерно, по-академически солидно.

Были представлены Англия, США, Франция, Германия, Израиль и, конечно же, Россия, причем довольно большой группой участников. Почти все докладчики основательно подготовились, и потому уровень разговоров почти всегда был корректным. В целом можно сказать так: чем ближе выступавшие держались к текстам Прокофьева, нотным или литературным, к фактам его биографии, тем лучше получалось, а чем дальше они уходили от фактов к обобщениям, особенно обобщениям социологизирующего плана - тем скучнее выходило. Мне, например, были интересны выступления литературоведов, среди которых я бы выделила двух наших соотечественников, ныне живущих в США - Игоря Вишневецкого (он специалист по литературному наследию приятеля Прокофьева - композитора Владимира Дукельского) и Дмитрия Шаповалова (интересно решенная тема «Прокофьев и Бальмонт»), профессора Принстонского университета Кэрл Эмерсон (замечательно остроумное наблюдение над тем, как Прокофьев, продолжая работу над оперой «Война и мир» - иногда и не по своему желанию, приближался к толстовской концепции искусства) и профессора Манчестерского университета Джона Элсворта (работа Прокофьева над текстом Брюсова при сочинении «Огненного ангела» - по архивным материалам). Весь-

ма симпатичные сообщения о парижских художественных объединениях русской эмиграции в эпоху, когда там жил Прокофьев, сделали Лев Мнухин и Елена Польшаева. Что касается музыковедов, державшихся близко к музыке, могу упомянуть шотландского русиста Стюарта Кэмпбелла, элегантно раскрывшего тему «Прокофьев и жанр гавота», американца Стефена Занка, превосходного пианиста, говорившего о стилистических параллелях в музыке Прокофьева и Равеля, не отходя от рояля. Со сложными «политическими» темами умело справились известные немецкие специалисты: Андреас Вермейер (кантаты Прокофьева к 20-летию и 30-летию Октября) и Доротея Редепеннинг («Повесть о настоящем человеке»).

Впрочем, более подробный обзор конференции будет предложен вашему вниманию в «Музейном листке», который выйдет приложением к следующему номеру РМГ. А сейчас - о главном сюрпризе прокофьевского года, поднесенном нам всем самим Сергеем Сергеевичем: в Париже вышли на русском языке Дневники Прокофьева за годы 1907 - 1933. Два тома по 800 страниц самым убогим кеглем (и это, между прочим, без всяких комментариев)! К ним - фотографическое приложение. Автор этих строк принадлежит к немногим счастливым, державшим в руках Дневники и читавшим их. Но, говорят, скоро Дневники могут появиться в Москве. И хотя стоить это издание, осуществленное наследниками С.С. Прокофьева, будет недешево, от души советую: если увидите где-нибудь, покупайте не раздумывая, хоть на последние деньги. Энергетический заряд, получаемый от чтения гениальных прокофьевских текстов, дороже любых денег!

Ищите фрагменты Дневников на одной из полос нынешней РМГ!

Марина Рахманова

Прокофьев С.С.

(№ 2). 02.03